БА
651
К8

Кропоткин

Довольство для всех

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ДОВОЛЬСТВО ДЛЯ ВСѢХ.

Довольство для всѣхъ—не мечта. С тѣх пор как наши предки положили столько труда, чтобы сдѣлать нашу работу болѣе производительной, оно стало возможным и осуществимым.

Мы знаем, что уже теперь производительные рабочіе, составляющіе в каждой образованной странѣ менѣе трети населенія, производят достаточно продуктов для того, чтобы обезпечить нѣкоторое довольство в каждой семьѣ. Мы знаем, кромѣ того, что если бы всѣ, кто расточает теперь чужой труд, были вынуждены сами заниматься каким-нибудь полезным трудом, наше богатство возросло бы в нѣсколько раз,—больше даже, чѣм возросло бы число рабочих рук. Мы знаем, наконец, что, вопреки теоріи Мальтуса—этого жреца буржуазной науки,—производительная сила человѣка увеличивается быстрѣе его собственнаго размноженія. Чѣм больше скучены люди в какой-нибудь странѣ, тѣм быстрѣе идет развитіе их производительных сил.

В самом дѣлѣ, в то время как населеніе Англіи возросло, с 1844 года, всего на 62 проц., ея производительныя силы увеличились, по меньшей мѣрѣ, на 130 проц. Во Франціи, гдѣ населеніе увеличилось меньше, рост производительных сил тѣм не менѣе также шел очень быстро. Несмотря на удручающіе земледѣліе кризисы, на обирательство крестьян государством, на рекрутчину, на обираніе земледѣльцев банкирами, финансистами и промышленными хозяевами,—в теченіе послѣдней четверти вѣка производство пшеницы учетверилось во Франціи, а производство промышленное удесятерилось. В Соединенных Штатах мы находим еще болѣе поразительный прогресс: несмотря на иммиграцію—или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого притока рабочих из Европы—Соединенные Штаты увеличили свое производство в десятки раз.

Но эти цыфры дают лишь слабое понятіе о том, что мы могли бы производить при болѣе разумных условіях жизни. В настоящее время, по мѣрѣ увеличенія производительной способности, растет в ужасающих размѣрах и армія туне-

ядцев и посредников. Вопреки царившему прежде среди соціалистов мнѣнію, что капитал скоро настолько сконцентрируется в немногих руках, что для овладѣнія общим имуществом достаточно будет экспропріировать нѣсколько милліонеров, оказывается, что число лиц, живущих чужим трудом, становится в дѣйствительности все болѣе и болѣе значительным.

Во Франціи, на тридцать человѣк жителей не приходится и десяти непосредственных производителей. Все земледѣльческое богатство страны есть дѣло семи милліонов человѣк, а в двух ея главных отраслях промышленности— в копях и в производствѣ тканей — насчитывается меньше двух с половиною милліона рабочих. Сколько же оказывается в таком случаѣ эксплуататоров труда? В Англіи (с Шотландіею и Ирландіею) всего 1.030.000 рабочих заняты в фабрикаціи всѣх возможных тканей,—миткалей, сукон, шелков, джуты, кружев и т. п., и из них всего только 300.000 мужчин—остальное же женщины, подростки и дѣти. Около полумилліона работают во всѣх копях и рудниках, в Англіи и Шотландіи всего с небольшим милліон обрабатывают землю, и статистикам приходится преувеличивать цыфры для того, чтобы установить максимум в 8 милліонов производителей на 26 милліонов жителей Англіи, Уэльса и Шотландіи. В дѣйствительности же, самое большее, шесть или семь милліонов рабочих создают всѣ богатства, разсылаемыя Англіей во всѣ концы свѣта. Сколько же, послѣ этого, окажется людей, живущих доходом с капитала, или посредников-купцов, которые получают доход со всего міра, и заставляют потребителя платить себѣ в нѣсколько раз (от 5 до 20 раз) больше, чѣм они сами платят производителю?

Мало того. Люди, в руках которых находится капитал, безпрестанно умышленно сокращают производство, чтобы поднять цѣны. Уже не говоря о цѣлых бочках устриц и рыбы, выбрасываемых в море для того, чтобы, устрицы и тонкая рыба не сдѣлались ѣдою, доступною народу, и не перестали быть лакомством богатых; не говоря о тысячах предметов роскоши—матерій, пищевых продуктов и т. д., которые постигает та же участь, что и устриц,—напомним только о том, каким образом ограничивают производств

предметов, необходимых для всѣх. Цѣлыя арміи углекопов с удовольствіем стали бы добывать каждый день уголь и отсылать его тѣм, кто дрожит от холода; но очень часто, по крайней мѣрѣ треть, а не то и двѣ трети этой арміи не могут работать и трех дней в недѣлю, потому что хозяевам нужно поддерживать высокія цѣны на уголь. Тысячи ткачей не могут работать на своих станках, в то время как их жены и дѣти ходят в лохмотьях, по той же причинѣ; а между тѣмъ три четверти европейскаго населенія не имѣетъ одежды, достойной этого имени.

Сотни доменных печей, тысячи мануфактур остаются постоянно в бездѣйствіи или работают лишь половину времени, все ради того же повышенія цѣн, и в каждой образованной націи мы находим постоянно около милліона, иногда и до двух милліонов людей, остающихся без работы: ищущих работы, но лишенных возможности ее получить.

Милліоны людей с радостью принялись бы превращать невоздѣланныя, или плохо воздѣланныя, земли в богатыя поля, способныя дать роскошныя жатвы. Одного года разумнаго труда было бы уже достаточно, чтобы увеличить впятеро производительность земель, которыя теперь дают только жалкій урожай. Но смѣлые начинатели, готовые взяться за это дѣло, осуждены на бездѣйствіе, потому что тѣ, кто владѣет землей, копями, мануфактурами, предпочитают помѣщать свои капиталы — капиталы, украденные у общества—в турецкіе или египетскіе займы, или в акціи золотых пріисков в Патагоніи, так как им выгоднѣе заставлять работать на себя египетских феллахов, итальянцев, вынужденных покинуть свою страну, или китайских кули!

Во всем этом мы видим сознательное и непосредственное ограниченіе производства, но есть и другое ограниченіе, косвенное и безсознательное, которое состоит в том, чтобы тратить человѣческій труд на производство предметов совершенно безполезных, или служащих исключительно для удовлетворенія безсмысленнаго тщеславія богачей.

До чего доходит это косвенное ограниченіе, невозможно исчислить даже приблизительно. Но всѣ мы знаем и видим воочію, сколько сил человѣческих тратится совершенно по-

пусту, тогда как онѣ могли бы послужить для производства необходимых вещей, а в особенности, для приготовленія орудій, нужных для будущаго улушеннаго производства. Достаточно будет указать на милліарды, растрачиваемые Европой на вооруженія—с единственной цѣлью завоеванія новых рынков, или для того, чтобы покорить сосѣдей своему экономическому вліянію и облегчить эксплуатацію внутри страны; достаточно будет указать на милліоны, выплачиваемые ежегодно всевозможным чиновникам, роль которых заключается в поддержаніи господства немногих над экономической жизнью всего народа; милліоны, тратящіеся на судей, на тюрьмы, на жандармов, на весь механизм, называемый правосудіем, в то время как извѣстно, что стоит только хоть немного облегчить бѣдность в больших городах, чтобы преступность уже уменьшилась в значительных размѣрах; наконец, милліоны, употребляющіеся на распространенія путем печати вредных идей и ложных извѣстій в интересах какой-нибудь партіи, какого-нибудь политическаго дѣятеля, или какой-нибудь компаніи эксплуататоров.

Но и это еще не все. Подсчитайте только количество труда, который каждогодно тратится совершенно попусту—здѣсь, на содержаніе конюшни, псарни или дворни богача, там—на удовлетвореніе капризов свѣтских барынь и стремленія к роскоши развращеннаго высшаго общества, вездѣ—на то, чтобы при помощи рекламы заставить вас купить вещь совершенно ненужную, или навязать покупателям товар дурного качества или даже на производство предметов положительно вредных, но выгодных для предпринимателя. Потраченнаго таким образом понапрасну труда несомнѣнно хватило бы на то, чтобы удвоить производство полезных предметов, или же, чтобы снабдить машинами и орудіями много фабрик и заводов, а эти послѣдніе скоро наводнили бы магазины продуктами, в которых двѣ трети населенія нуждаются в настоящее время.

Словом, несомнѣнно, что даже из числа тѣх, кто в каждой данной странѣ занимается производительным трудом, четверть, по крайней мѣрѣ, всегда остается без работы в теченіе трех или четырех мѣсяцев в году, а труд второй

четверти—если даже не половины—идет не на что иное, как на развлеченіе богачей и на эксплуатацію публики.

Таким образом, если мы примем во вниманіе, с одной стороны, ту быстроту, с какою цивилизованные народы увеличивают свои производительныя силы, а с другой—ограниченіе, прямое или косвенное, которому подвергается производство вслѣдствіе современных условій, то мы должны заключить, что сколько-нибудь разумная хозяйственная организація дала бы образованным народам возможность накопить в теченіе нѣскольких лѣт столько полезных продуктов, что им пришлось бы, наконец, сказать себѣ: „Довольно! Довольно с нас угля, довольно хлѣба, довольно одежды! Отдохнем и подумаем, куда еще приложить свои силы, как лучше употребить остающійся у нас досуг!“

Нѣт, довольство для всѣх—не мечта. Оно, может-быть, было мечтой тогда, когда человѣку едва удавалось, цѣною страшнаго труда, получить двадцать пудов ржи с десятины, когда он выдѣлывал собственными руками нужныя для земледѣлія и промышленности орудія. Но оно перестало быть мечтой с тѣх пор, как человѣк изобрѣл двигатель, который, с помощью небольшого количества желѣза и нѣскольких фунтов угля, доставляет ему послушную и удобную силу, способную привести в движеніе самую сложную машину.

Но для того, чтобы это довольство перешло в дѣйствительность, нужно, чтобы весь этот огромный капитал—города, дома, распаханныя поля, заводы, пути сообщенія, воспитаніе—перестало считаться частною собственностью, которую захватившій ее распоряжается по своему усмотренію.

Нужно, чтобы все это богатство орудій производства, с таким трудом пріобрѣтенное, построенное, выдѣланное, изобрѣтенное нашими предками, стало общею собственностью, чтобы общество, с помощью своего коллективнаго ума, могло извлечь из него наибольшую выгоду для всѣх.

Для этого нужна экспропріація. А потому, довольство для всѣх—наша цѣль; экспропріація—наше средство.

II.

Экспропріація, т.-е. возврат обществу того, что ему принадлежит по праву,—такова задача, поставленная исторіей перед нами, людьми конца девятнадцатаго вѣка. Все то, что служит для обезпеченія благосостоянія общества, должно быть возвращено обществу.

Но эта задача не может быть разрѣшена законодательным путем. Никто в такое рѣшеніе и не вѣрит: как бѣдный, так и богатый, понимают, что ни современныя правительства, ни правительства, могущія явиться вслѣдствіе какой-нибудь политической революціи, не окажутся способными найти нужный выход. Всѣми чувствуется необходимость соціальной революціи, и как богатые, так и бѣдные не скрывают от себя, что эта революція близка, что она может разразиться не сегодня—завтра.

За послѣдніе полвѣка соотвѣтственная подготовка—эволюція—уже совершилась в умах, но под давленіем меньшинства, т.-е. имущух классов, она не могла воплотиться в дѣйствительность; ей приходится поэтому устранить препятствія силой и осуществиться в революціи.

Откуда придет революція? Какими признаками будет отмѣчено ея начало? На эти вопросы никто не может отвѣтить; мы находимся здѣсь в полной неизвѣстности. Но всѣ, кто сколько-нибудь наблюдает и размышляет, всѣ—как рабочіе, так и эксплуататоры, как революціонеры, так и охранители—чувствуют одно: что эта революція близка.

Что-же мы сдѣлаем, когда она, наконец, разразится?

Мы всѣ так много начитались о драматической сторонѣ прошлых революцій и так мало знаем их дѣйствительно-революціонную работу, что многіе из нас видят в этих движеніях только внѣшнюю обстановку, борьбу первых дней, баррикады. Но эта борьба на улицѣ, эти первыя стычки длятся недолго и скоро заканчиваются побѣдой или пораженіем народа; и именно послѣ побѣды народа над его прежними правителями начинается настоящая революціонная работа.

Неспособные и безсильные, атакованные со всѣх сторон, эти правители быстро уносятся вихрем возстанія, если воз-

станіе имѣет дѣйствительно народный характер. В 1848 году, буржуазная монархія во Франціи погибла в нѣсколько дней, и когда Луи-Филипп уѣзжал в извозчичьей каретѣ из Парижа, Париж забыл уже и думать о бывшем королѣ. Правительство Тьера исчезло, 18 марта 1871 года, в нѣсколько часов, оставляя Париж хозяином своей собственной судьбы. А между тѣм движенія 1848 и 1871 года были только городскими возстаніями; при настоящей же народной революціи разложеніе всего государственнаго строя совершается с поразительной быстротой во всей странѣ. Правители начинают с того, что бѣгут, а затѣм уже начинают устраивать заговоры, чтобы обезпечить себѣ возможность возврата.

Как только прежнее правительство расшаталось, армія перестает, в виду растущей волны народнаго возстанія, повиноваться своим вождям; эти послѣдніе, впрочем, также благоразумно ступевываются. Войско стоит сложа руки, или же, подняв приклады вверх, присоединяется к возставшим. Полиція не знает, что дѣлать—бросаться ли с кулаками на толпу или кричать: „да здравствует Коммуна!“,—и расходится благоразумно по домам, „поджидая новаго начальства“. Крупные буржуа укладывают свои пожитки и уѣзжают куданибудь в безопасныя мѣста. Народ же остается. Таково бывает начало всякой революціи.

И вот, напримѣр, Коммуна провозглашена в нѣскольких больших городах. Тысячи людей толпятся на улицах и собираются по вечерам в импровизированных клубах для рѣшенія вопроса „что дѣлать?“ для горячаго обсужденія общественных дѣл. Ими интересуются теперь всѣ; даже тѣ, кто еще вчера были совершенно равнодушны, теперь оказывается чуть ли не самыми ретивыми. Повсюду видно очень много усердія, много самаго горячаго желанія обезпечить за собою побѣду. Совершаются дѣянія самаго высокаго самопожертвованія. Народ рвется вперед:—куда бы то ни было, лишь бы вперед.

Все это прекрасно, все это очень возвышенно. Но это еще не революція. Напротив, работа революціонера только теперь и начинается.

Нѣт сомнѣнія, что будут при этом и акты мести. Разные

Ватрены и Тома поплатятся за свою непопулярность. Но это будет только одна из случайностей борьбы, а вовсе еще не революція.

Правительственные соціалисты, радикалы, непризнанные геніи журнализма, напыщенные ораторы—как буржуа, так и рабочіе — бросятся, конечно, в Городскую Думу, чтобы занять опустѣвшія там мѣста. Одни нацѣпят на себя всяких побрякушек, будут смотрѣться в министерскія зеркала и учиться отдавать приказанія с величіем, подо бающим их новому сану: красный пояс, военная фуражка и величественныя движенія руки необходимы им, чтобы внушить к себѣ почтеніе со стороны бывшаго товарища по редакціи или по мастерской. Другіе зароются в бумагах, с самым искренним желаніем понять в них что-нибудь, и примутся сочинять законы и издавать указы, полные громких фраз, которых никто, впрочем, не станет исполнять, именно потому, что теперь—время революціи.

Чтобы придать себѣ недостающую им представительность, они найдут себѣ подходящіе чины в прежних правительственных учрежденіях и назовут себя „Временным Правительством", или „Комитетом Общественнаго Спасенія", или Головою, Комендантом Городской Думы, Начальником Охраны и т. п. Других выберут, или провозгласят без выборов, членами Парламента или Городского Совѣта, и вот они соберутся, с подобающей торжественностью, в Палатѣ или в Думѣ. И тут окажутся, согнанными в кучу, люди, принадлежащіе по крайней мѣрѣ к десятку различных школ и направленій,—направленій, которыя вовсе не обусловливаются, как это часто говорят, одним личным соперничеством, а соотвѣтствуют дѣйствительно различным способам пониманія задач, послѣдствій, глубины предстоящей революціи. Поссибилисты („возможники"), коллективисты, радикалы, якобинцы, бланкисты будут согнаны в одну кучу и неизбѣжно должны будут проводить время в безвыходных, неразрѣшимых, все обостряющихся спорах; с честными людьми смѣшаются властолюбцы, которые мечтают только о собственном господствѣ и глубоко презирают толпу, из которой вышли сами. Всѣ они придут с прямо-противоположными

взглядами и будут вынуждены заключать между собою яко бы союзы для образованія большинства, много на день или на два, спорить без конца, обзывать друг друга реакціонерами, деспотами и мошенниками. Им нельзя будет согласиться ни на одной серьезной мѣрѣ, им придется страстно увлекаться спорами из-за мелочей, и не смогут они создать ничего, кромѣ напыщенных прокламацій. И всѣ-то они, при этом, будут принимать себя в серьез, тогда как настоящая сила движенія была и будет оставаться на улицѣ, в толпѣ.

Все это, может быть, очень интересно для любителей театральных представленій, но все это еще не революція. При всем этом ничего еще не сдѣлано!

Между тѣм народ страдает. Машины на фабриках не работают, мастерскія закрываются, капиталист прячется в свою уютную норку, заказов нѣт, торговля не идет. Рабочій теряет даже тот ничтожный заработок, какой имѣл прежде; а цѣны на жизненные припасы растут и растут...

Но он ждет с геройским самоотверженіем, которым всегда отличается народ в рѣшительныя минуты, когда он доходит до великаго. „Мы отдаем на службу республикѣ три мѣсяца нужды“, заявили парижскіе рабочіе в февралѣ 1848 года, когда республика была провозглашена во Франціи,—в то время, как господа „представители народа“ и члены временнаго правительства всѣ, до послѣдняго служителя, аккуратно получали свое жалованье! Народ страдает. Но со свойственною ему дѣтскою довѣрчивостью, с добродушіем массы, вѣрящей в своих вождей, он ждет, чтобы им занялись там, наверху—в Палатѣ, в Палатѣ, в Думѣ в Комитетѣ Общественнаго Спасенія.

Но там думают обо всем, кромѣ народных страданій. Когда в 1793 году голод свирѣпствовал во Франціи, грозя судьбам революціи; когда народ был доведен до послѣдней степени нищеты, в то время как по Елисейским полям раз'ѣзжали в великолѣпных колясках барыни в роскошных туалетах, Робеспьер настаивал в Якобинском клубѣ на чем?—на обсужденіи его мемуара об англійской конституціи! Когда в 1848 году, рабочій сидѣл без куска хлѣба вслѣдствіе всеобщей остановки промышленности. Временное Правительство и Па-

лата препирались о пенсіях военным офицерам и о работах, тюрьмах, и даже не подумали спросить себя, чѣм живет народ в такую пору безработицы. И если можно упрекнуть в чем-нибудь Парижскую Коммуну, родившуюся в таких скверных условіях, под пушками пруссаков, и просуществовавшую всего семьдесять дней, то и ее придется упрекнуть в том, что она не поняла, что без сытых солдат нельзя одержать побѣду и что на тридцать су в день (полтинник) в осажденном Парижѣ нельзя рабочему сражаться на укрѣпленіях и в то же время кормить свою семью.

Народ страдает и спрашивает: „что дѣлать, чтобы выйти из этого положенія?“

III

Нам кажется, что на этот вопрос может быть только один отвѣт:

Признать и заявить во всеуслышаніе, что всякій, каков бы ни был в прошлом его ярлык, как бы он ни был силен или слаб, способен или неспособен, имѣет, прежде всего, ПРАВО НА ЖИЗНЬ, и что общество должно дѣлить между всѣми тѣ средства существованія, которыми оно располагает. Это нужно признать, провозгласить, и дѣйствовать соотвѣтственно этому.

Нужно сдѣлать так, чтобы с перваго же дня революціи народ понял, что для него наступила новая пора; что с этого дня никому уже больше не придется ночевать под мостами, когда рядом стоят пышные дворцы, никому не придется голодать, покуда есть в городѣ с'ѣстные припасы; никому не придется дрожать от холода, когда рядом стоят мѣховые магазины. Пусть все принадлежит всѣм, как в принципѣ, так и в дѣйствительности, и пусть, наконец, в исторіи произойдет хоть одна революція, которая позаботится о нуждах народа, прежде чѣм отчитывать ему проповѣдь о его обязанностях.

Но указами этого сдѣлать нельзя. Добиться этого можно только, если народ на дѣлѣ, непосредственно, завладѣет всѣм, что нужно для жизни; это единственный, дѣйствительно-научный способ дѣйствія, и единственно понятный народной массѣ и для нея желательный.

Нужно завладѣть, во имя возставшаго народа, хлѣбными складами, магазинами платья, жилыми домами. Ничего не надо тратить зря, а тотчас же слѣдует организоваться так, чтобы пополнять то, что будет израсходовано. Словом, прежде всего сдѣлать все возможное, чтобы удовлетворить всѣ потребности, и сейчас же начать производство, но уже не ради барышей кому бы то ни было, а для того, чтобы обезпечить жизнь и дальнѣйшее развитіе всего общества.

Не нужно нам больше этих двусмысленных фраз, вродѣ „права на труд“, которыми заманивали народ в 1848 году и хотят заманивать еще и теперь. Пора быть посмѣлѣе и прямо заявить, что довольство для всѣх, сдѣлавшееся в наше время возможным, должно осуществиться во что бы то не стало.

Когда в 1848 году рабочіе требовали права на труд, правительство устраивало національныя мастерскія и заставляло людей работать в этих мастерских за два франка в день! Когда они требовали организаціи труда, им отвѣчали: „Подождите, друзья мои, правительство займется этим, а пока— вот вам два франка. Отдохни, суровый рабочій, трудившійся всю свою жизнь!“ А пока, прицѣливали пушки, собирали отовсюду войска и дезорганизовывали самих рабочих тысячами средств, которыя буржуа знают очень хорошо. Затѣм, в один прекрасный день им заявили: „отправляйтесь колонизовать Африку или мы вас разстрѣляем!“

Совсѣм иной результат получится, если рабочіе будут требовать ПРАВА НА ДОВОЛЬСТВО. Они заявят тѣм самым о своем правѣ завладѣть всѣм общественным богатством, завладѣть домами и расположиться там сообразно потребностям каждой семьи захватить накопленные с'ѣстные припасы и распорядиться ими так, чтобы послѣ слишком долгаго голоданія узнать, наконец, довольство. Они заявят таким образом о своем правѣ на всѣ богатства— продукт труда прошлых и настоящих поколѣній—и распорядятся ими так, чтобы познакомиться, наконец, с высшими наслажденіями искусства и науки, слишком долго бывшими достояніем одних буржуа.

И заявляя о своем правѣ на довольство, они—и это еще

важнѣе—провозгласят вмѣстѣ с тѣм свое право рѣшать, что должно представлять собою это довольство, какіе продукты нужно производить для его обезпеченія и что можно оставить, как потерявшее всякую цѣну.

Право на довольство, это—возможность жить по-человѣчески и воспитывать дѣтей так, чтобы сдѣлать из них равных членов общества, стоящаго болѣе высоко, чѣмъ наше; тогда как право на труд, это — право оставаться всегда наемным рабом, управляемым и эксплуатируемым завтрашним буржуа. Право на довольство, это—соціальная революція; право на труд, это, самое большее—промышленная каторга.

Уже давно пора рабочему провозгласить, наконецъ, свое право на общее наслѣдіе и завладѣть этим наслѣдіем.

РАБОЧАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

Отречемся от стараго мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царскій чертог.
Мы пойдем въ ряды страждущих братьев,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодѣям проклятье,
На борьбу мы его позовем:

Вставай, подымайся, рабочій народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд.
Твоим потом жирѣют обжоры;
Твой послѣдній кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игрѣ биржевой

Они совѣсть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочій народ! и т. д.

Тебѣ отдых—одна лишь могила!
Каждый день—недоимку готовь!
Царь-вампир из тебя тянет жилы;
Царь-вампир пьет народную кровь;
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочій народ! и т. д.

Не довольно ли вѣчнаго горя?
Встанем, братья, повсюду зарав!
От Днѣпра и до Бѣлаго моря,
И Поволжье, и дальній Кавказ!
На воров, на собак—на богатых!
Да на злого вампира-царя,
Бей, губи их, злодѣев проклятых!
Засвѣтись лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочій народ! и т. д.

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей;
Купим мир мы послѣдней борьбою,
Купим кровью мы счастье дѣтей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царствѣ святого труда!

Вставай, подымайся, рабочій народ!
Вставай на врага брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

БИБЛИОТЕКА Тип. Т-ва Рябушинских. Мос

СКЛАДЪ МОСКОВСКОЙ ФЕДЕРАЦІИ

Анархистскихъ Группъ.

Тверская, Настасьинскій пер., д. № 1.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА:

П. Кропоткинъ. Хлѣбъ и воля. 2 р. 75 к.
Его же. Рѣчи бунтовщика. 2 р. 50 к.
Его же. Анархія, ея философія и идеалъ. 60 коп.
Его же. Государство и его роль въ исторіи. 60 коп.
Зльцбахеръ. Анархизмъ. 2 р. 50 к.
Цоколи. Анархизмъ. 4 р.
Текеръ. Вмѣсто книги. 4 р 75 к.
Э. Реклю. Эволюція, революція и идеалъ анархизма. 1 р.
Бр. Гординъ. Почему? или какъ мужикъ попалъ въ страну «Анархія». 50 к.
Д. Ньюзангунсъ. Соціализмъ въ опасности. 50 к.
А. Борозой. Революціонное творчество и парламентъ (революціонный синдикализмъ). 90 к.
Э. Реклю. Анархія. 20 к.
К. Оргеліани. Революція и революціонное правительство. 20 к.
Б. Недрожинъ. Контръ-революція. 15 к.
В. Э. Письмо анархиста брату рабочему. 20 к.
Н. И. Префранесовъ. Стачка, рабочій союзъ и соціализмъ. 25 к.
П. Кропоткинъ. Великая революція. 30 к.
С. Заяцъ. Какъ мужики остались безъ начальства (сказка). 20 к.
Ал. Атабекянъ. Соціальныя задачи домовыхъ комитетовъ. 50 к.
Непримиримый. Рѣчь на судѣ Жоржа Этьевана. 20 к.
П. Кропоткинъ. Открытое письмо къ западно-европейскимъ рабочимъ. 15 к.
В. Тотоміанцъ. Политика, какъ профессія. 15.
Ал. Атабекянъ. Возможна ли анархическая соціальная революція. 15 к.
П. Кропоткинъ. Политическое право.
Его же. Наши богатства.
Его же. Довольство для всѣхъ.
Э. Реклю. Моему брату крестьянину.

ВЫХОДЯТЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Бакунина и П. Кропоткина. Парижская коммуна.
П. Кропоткинъ. Нравственное начало анархизма.
Его же. Взаимопомощь.
Его же. Поля, фабрики и мастерскія.